

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по Священному Писанию Ветхаго Завета.

Статьи по Ветхому Завету, помѣщенные въ духовныхъ журналахъ за текущей годъ, посвящены по обыкновенію болѣе вопросамъ исагогики, библейской исторіи и библейскаго богословія, чѣмъ послѣдовательному истолкованію св. текста. Объясняется это конечно не тѣмъ, что наши ученые мало удѣляютъ вниманія экзегетическимъ работамъ, а тѣми требованіями, которыя обычно предъявляются къ журнальной статьѣ,—при сравнительно небольшомъ объемѣ давать сравнительно обильное, живое и новое содержаніе. Удовлетворить этимъ требованіямъ въ работахъ, имѣющихъ характеръ послѣдовательнаго комментарія, очень трудно. Съ содержаніемъ наиболѣе интересныхъ статей мы познакомимъ читателей въ предлагаемомъ очеркѣ.

1) Въ Православномъ Собесѣдникѣ (апрѣль, іюль—августъ, сентябрь) проф. П. Юнгеровъ посвятилъ нѣсколько статей подъ заглавіемъ: *Внутренняя исторія ветхозавѣтнаго св. текста*, изслѣдованію вопроса, какъ и въ какомъ видѣ сохранился до насъ св. ветхозавѣтный еврейскій текстъ и насколько соотвѣтствуетъ нынѣ существующій еврейскій текстъ древнему, автографическому. Вопросъ этотъ вызывается естественнымъ соображеніемъ о возможности порчи текста переписчиками, а также взглядами современныхъ западныхъ критиковъ. На самомъ дѣлѣ переписчики ветхозавѣтныхъ книгъ при всей своей внимательности, опытности и тщательности по естественной человѣческой слабости, ошибкамъ слуха, зрѣнія и рукъ не могли быть гарантиро-

ваны отъ возможности погрѣшностей при перепискѣ. Исторія другихъ памятниковъ постоянно свидѣтельствуетъ о постепенномъ искаженіи ихъ первоначальнаго текста. И мы не въ правѣ думать, что библія могла избѣжать этой судьбы. Еще св. отцы признавали порчу еврейскаго текста, объясняя ее намѣренными искаженіями іудеевъ ради полемическихъ цѣлей противъ христіанъ. Въ средніе вѣка это мнѣніе поддерживали католическіе ученые. Католикъ Моринъ посвятилъ доказательству его очень цѣнное сочиненіе: *Exercitationum biblicarum de hebraei graecique textus sinceritate libri duo* (1591 — 1659 гг.), въ которомъ доказывалъ поврежденность еврейскаго текста сравненіемъ его съ переводомъ LXX. Протестанты, отвергнувшіе авторитетъ церковнаго преданія и вульгаты и основывавшіе свое ученіе на одномъ библейскомъ текстѣ, находили въ томъ побужденіе для себя доказывать неповрежденность еврейскаго текста. Отецъ и сынъ Буксторфы защищали полное соотвѣтствіе мазоретскаго текста автографическому и всѣ счисленія, дѣленія, пунктацію и прочія произведенія мазоретовъ приписывали Ездрѣ и великой синагогѣ. Въ 1650 г. появилось извѣстное сочиненіе Капеллуса—*Critica sacra*, не смотря на нѣкоторыя крайности съ научною обстоятельностью доказывавшее чрезъ сравненіе съ древнѣйшими переводами поврежденность еврейскаго текста. Это сочиненіе не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. Продолжая работу Капеллуса, многіе современные западные ученые—особенно отрицательнаго направленія, стали утверждать, что древній, первоначальный текстъ писаній измѣненъ до неузнаваемости. Свободные отъ крайностей, вѣрующіе богословы западные и русскіе, подобно митрополиту Филарету, признаютъ въ настоящее время, что если по вышеуказаннымъ причинамъ могла быть допущена порча еврейскаго текста, то она должна быть невелика и не могла измѣнить первоначальнаго текста до полной неузнаваемости автографическаго оригинала. Среди еврейскаго народа всегда существовали опытные, ученые и благонамѣренные мужи, близко знакомые съ ветхозавѣтными книгами, тщательно изучавшіе ихъ, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи точные и правильные списки ветхозавѣтныхъ писаній и заботившіеся объ исправленіи возможныхъ погрѣшностей въ священномъ текстѣ.

Что это дѣйствительно было такъ, подтвержденіемъ тому служить вся исторія ветхозавѣтнаго подлиннаго текста. Изъ свидѣтельствъ библейскихъ видно, что автографы нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ положены были и хранились въ скинии и храмѣ (Втор. 31, 25; Нав. 24, 26; 4 Цар. 22, 8; 2 Пар. 34, 14). Изъ свидѣтельства христіанскаго преданія извѣстно, что всѣ ветхозавѣтныя книги каноническія хранились у евреевъ во святомъ святыхъ (Епифаній и I. Дамаскинъ). О томъ-же говорится и въ іудейскомъ талмудическомъ преданіи (Megilla 4. 2. Sopherin 6. 4). Съ самаго древняго времени св. книги были предметомъ тщательнаго изученія и благоговѣйнаго храненія, какъ слово Самого Іеговы, какъ книга Господня (Ис. 34, 16). „Прочитайте въ книгу Господней и поищите, говоритъ пр. Исаія, ни одно изъ сихъ не преминетъ придти и ни одно другимъ не замѣнится, ибо сами уста Его повелѣли“. Ср. Нав. 8, 34—35; 11, 15. При такомъ благоговѣйномъ отношеніи евреевъ къ слову писанія можно ли допустить безграничный произволь со стороны переписчиковъ свящ. книгъ? Другимъ доказательствомъ благоговѣйнаго почитанія и тщательнаго изученія свящ. писаній еще до заключенія канона служить частое цитированіе послѣдующими священными писателями болѣе древнихъ свящ. книгъ. Впрочемъ въ послѣднемъ обстоятельстве ученые отрицательнаго направленія видятъ признакъ позднѣйшаго измѣненія текста. Они указываютъ именно на то, что одни и тѣже гимны и повѣствованія въ разныхъ книгахъ В. З. (напр. 13-ый пс. въ 52 пс., 17-ый пс. въ 2 Цар. 22 гл., Іер. 52-ая гл. въ 4 Цар. 25 гл., Ис. 37—38 главы въ 4 Цар. 18—19) имѣютъ между собою замѣтныя различія. Но ничто не препятствуетъ допустить, что эти различія допущены самими авторами, намѣренно дважды записавшими ихъ, а не были плодомъ „бѣдственнаго“ состоянія св. текста.

Не испытывалъ бѣдственной судьбы св. текстъ и въ дальнѣйшіе періоды своей исторіи. О тщательномъ изученіи и храненіи св. книгъ за время по заключеніи канона мы имѣемъ множество прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ у Филона, I. Флавія, въ Новомъ Завѣтѣ и въ іудейскомъ талмудическомъ преданіи. Последнее называетъ лицъ, изучавшихъ и изъяснявшихъ писаніе, „соферимами“ т. е. счетчиками, такъ какъ „они считали буквы священнаго текста“ (Kiddu-

schim 30^a). Филонъ замѣчаетъ, что „изъ писаній Моисея, не смотря на ихъ глубокую древность никто не рѣшился (и не рѣшается) ни одного слова отнять или измѣнить, или къ нимъ прибавить (Eusebius, Praepar. Ev. VIII, 6). I. Флавій распространяетъ подобную строгость на всѣ ветхозавѣтныя книги (Противъ Аппіона 1, 8). За тщательность храненія св. текста въ это время говорятъ и упоминаемыя въ талмудѣ критико-текстуальныя замѣчанія и правила, относимыя учеными ко времени съ 4 в. до Р. Хр. до 2 в. по Р. Хр. Таковы счисления буквъ и словъ въ разныхъ книгахъ св. Писанія, замѣчанія, извѣстныя подъ названіемъ *ittur soferim* (опущеніе буквы вавъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ), *ticcun soferim* (исправленіе нѣкоторыхъ неудобныхъ выраженій), *keri u ketib* (соотвѣтствующія нашимъ опечаткамъ), правила объ особенномъ начертаніи нѣкоторыхъ буквъ (*majusculae, minusculae, suspensae litterae*) и др. Что св. текстъ, бывший въ употребленіи съ 4 в. до Р. Хр. до 2-го Р. Хр., существенно сходенъ съ современнымъ еврейскимъ текстомъ, объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ существенное сходство съ нимъ пятокнижія самаританскаго, всѣхъ древнихъ переводовъ: LXX, Акилы, Симмаха, Θεοδοтіона, Пешито, Таргумовъ, а также цитатъ Филона, I. Флавія и Новаго Завѣта. II изъ существующихъ сравнительно незначительныхъ разночтеній между современнымъ подлинникомъ и древними переводами наибольшая часть по общему признанію ученыхъ была допущена переводчиками намѣренно, съ цѣлью пояснить текстъ, или ненамѣренно благодаря разнообразнымъ ошибкамъ переводчиковъ и переписчиковъ.

Въ третій періодъ исторіи св. текста съ 3 в. по 6 в. заботы о храненіи подлиннаго текста еще увеличились. Въ талмудѣ появился цѣлый рядъ правилъ относительно переписки св. рукописей съ указаніемъ размѣра полей рукописи, извѣстнаго начертанія буквъ, дѣленія словъ и буквъ и мн. др. Находимыя въ талмудѣ разночтенія и отступленія отъ современнаго еврейскаго текста объясняются тѣмъ, что выдержки изъ писанія приводились раввинами иногда по памяти и намѣренно въ перифрастической формѣ.

4-й періодъ исторіи св. текста съ 7 в. по 10 в. обнимаетъ время дѣятельности мазоретовъ. Сущность мазоры I. Буксторфъ опредѣлилъ такъ: „мазора есть критическая доктрина

изобрѣтенная древними еврейскими мудрецами, касательно текста св. писанія, наука, въ которой стихи, слова и буквы библейскаго текста исчислены, отмѣчена всякая разность между ними и показана точно въ своемъ мѣстѣ,—для того, чтобы постоянное и неповрежденное чтеніе текста сохранялось и навсегда предохранено было отъ всякаго измѣненія и порчи и непоколебимо укрѣплено“. Изъ самого содержанія мазоретской работы видно, что мазореты въ установленіи библейскаго текста не слѣдовали собственному произволу и своимъ личнымъ соображеніямъ. Для нихъ существовавшій священный текстъ былъ неприкосновенной святиней. Измѣненіе въ немъ, при всѣхъ казавшихся имъ грамматически-корректирныхъ погрѣшностяхъ и недостаткахъ его, не допускалось ими ни подъ какимъ видомъ. Напротивъ, помѣщая свои критическія, грамматическія, орфографическія и иные сомнѣнія и замѣчанія всегда отдѣльно отъ священнаго текста или на поляхъ и въ концѣ библейскихъ списковъ, или въ совершенно отдѣльныхъ свиткахъ, мазореты предупреждали тѣмъ и будущихъ переписчиковъ отъ измѣненій текста, хотя бы наукою и оправдываемыхъ.

О состояніи подлиннаго текста въ пятый періодъ его исторіи съ 11 в. по 15 в. мы имѣемъ уже прямое свидѣтельство въ многочисленныхъ древнихъ еврейскихъ рукописяхъ. Эти рукописи поражаютъ своимъ единообразіемъ и сходствомъ съ современнымъ еврейскимъ текстомъ.

Появившіяся съ 15 в. печатныя изданія еврейской библіи, полиглотты и собранія вариантовъ еврейскаго текста свидѣтельствуютъ, что христіанскіе и іудейскіе ученые 16—19 вв. подобно мазоретамъ прилагали всѣ мѣры къ сохраненію и возстановленію ветхозавѣтнаго текста въ неповрежденномъ видѣ.

Итакъ исторія ветхозавѣтнаго текста убѣждаетъ въ томъ, что еврейскій текстъ не могъ быть искаженъ до неузнаваемости, а напротивъ былъ тщательно охраняемъ отъ порчи учеными мужами, обществами и школами. Касаясь затѣмъ вопроса о намѣренной порчѣ св. текста евреями, проф. Юнгеръ говоритъ: „не соглашаясь вполне съ мыслью о тенденціозной порчѣ евреями текста, благопріятнаго христіанскому пониманію, можно предполагать, что еврейскіе ученые изъ разночтеній, встрѣчавшихся въ этихъ мѣстахъ въ раз-

ныхъ еврейскихъ рукописяхъ, выбирали туманное чтеніе, неблагопріятное христіанамъ. Преимущественно эти затрудненія находятся въ пророчествахъ о страданіи Мессіи, непонятыхъ нѣкогда іудеями и заставляющихъ ихъ ученыхъ потомковъ употреблять разныя средства, чтобы не признать Христа Мессіей“.

Вслѣдъ за м. Филаретомъ признавая существованіе въ еврейскомъ текстѣ незначительныхъ погрѣшностей, авторъ при исправленіи ихъ рекомендуетъ осторожность.

2. Въ статьяхъ: *Отечественные труды по изученію Библии въ XIX вѣкѣ* (Христіанское Чтеніе, Январь, Май) пр. Ф. Г. Елеонскій даетъ перечень и характеристику печатныхъ трудовъ по изученію библии, появившихся въ Россіи за прошлый вѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ условія, благопріятно и неблагопріятно вліявшія на ростъ литературной производительности въ этой области.

Совершившееся въ началѣ XIX вѣка преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній должно было усилить начавшуюся оживленную дѣятельность въ области библейской науки; важное значеніе, какое дано было новымъ уставомъ изученію Св. Писанія въ учебномъ курсѣ не только академій, профессорамъ которыхъ рекомендовалось „держаться на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами каждой науки“, но и семинарій, въ которыхъ этотъ предметъ до того времени (1808 г.) не считался обязательнымъ, должно было располагать къ болѣе усердному и болѣе научному изученію Св. Писанія. Если прежде толкованія состояли главнымъ образомъ въ болѣе ясной и понятной передачѣ славянскаго текста, то новые труды по Св. Писанію получили научный, изслѣдовательный характеръ и покоились на здоровыхъ критическихъ приемахъ. Таковы труды м. Филарета (*Записки на книгу Бытія* (1816 г.), *Опытъ изъясненія псалма LXVII* (1814 г.), *Толкованіе II псалма* (1820 г.)), запечатлѣнные строгимъ, основаннымъ на филологическомъ методѣ и здоровыми критическими приемами, и сочиненіе Герасима Павскаго (*Обзоръ книгъ псалмовъ. Опытъ археологической, филологической и герменевтической*—1814 г.), имѣющее характеръ вполне научнаго псагогическаго изслѣдованія. Однако въ дальнѣйшемъ ходѣ отечественной литературы по библейской наукѣ замѣчается крайнее оскуденіе, продолжавшееся

до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтїя. Въ этотъ довольно длинный періодъ появилось весьма ограниченное количество печатныхъ трудовъ по нашему предмету, именно: 1) І. Скворцова *Записки на посланіе къ Ефесеямъ* (1838 г.), въ которыхъ толкованіе ведется примѣнительно къ греческому подлиннику научнымъ методомъ при пользованіи трудами иностранныхъ толкователей, 2) Θεоктиста архіеп. курс. *Драхма отъ сокровища божественныхъ Писаній Ветхаго и Новаго Завета* (1809 г.), содержащая изложеніе главнѣйшихъ свѣдѣній по богословію, исагогикѣ и собственно герменевтикѣ, 3) *Compendium Hermenevticae sacrae, usibus juventutis accommodatum* (1814), 4) *Delineatio Hermenevticae sacrae, ad usum studiosorum sacrae scripturae accommodata* (1828), 5) Савваитова *Библейская герменевтика* (1844), подобно двумъ предшествующимъ представляющая собою учебное руководство, трактующее о правилахъ толкованія, 6) Игнатія архіеп. ворон. *Примѣчанія къ чтенію и толкованію Свящ. Писанія по указанію самого Писанія и толкованій отеческихъ* (1848 г.) трудъ герменевтическаго характера, 7) арх. Филарета *Начертаніе церковно-библейской исторіи* (1816), 8) арх. Иннокентія *Жизнь св. Апостола Павла* (1826) и *Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа* (1828—30). Перечисленными трудами почти и ограничивается библейская литература первой половины XIX столѣтїя. Чѣмъ же объясняется такая скудость трудовъ по Св. Писанію?

Одною изъ причинъ этого явленія былъ несомнѣнно принятый съ 1816 г. по почину императора Александра I переводъ бібліи на русскій языкъ, занявшій наилучшія и наиболѣе приготовленныя къ тому силы. Другою, еще болѣе важною, причиною означеннаго явленія служили строгія правительственныя мѣры, предпріятыя въ то время противъ дальнѣйшаго распространенія различныхъ неправославныхъ воззрѣній, и направленныя отчасти противъ лицъ принадлежащихъ къ Библейскому обществу. Вмѣстѣ съ другими произведеніями и толкованія Св. Писанія подвергались до крайности строгой цензурѣ и попадали подъ запрещеніе. Но справедливымъ словамъ арх. Михаила, „усиленіе цензуры, сдѣлавшейся мнительною, подозрительною и придирчивою слишкомъ, заставляло и людей“, оставшихся вѣрными ученію православной церкви, „быть осторожными, опасаться,

даже страшиться подозрѣній, придирокъ, даже преслѣдованій и любить, яко безбѣдное страхомъ, молчаніе“. Съ конца 40-хъ годовъ явилось еще новое неблагоприятное для изученія Библии обстоятельство, состоявшее въ „усиленномъ стремленіи возвысить церковное и научное значеніе преданія въ одинаковомъ достоинствѣ съ Свящ. Писаніемъ и даже съ предпочтеніемъ его Свящ. Писанію въ вопросахъ о достовѣрности св. текста и правильномъ его изъясненіи“. Въ сочиненіи, предназначавшемся въ качествѣ классической книги для духовныхъ семинарій, высказывались напр., что „въ Свящ. Писаніи содержатся не всѣ догматы“, что въ немъ „догматы намѣренно прикрыты темнотою“, что Свящ. Писаніе „не излагаетъ образа здраваго ученія“, что оно поэтому „не можетъ служить началомъ или пробнымъ камнемъ истиннаго разумѣнія Свящ. Писанія“; вслѣдствіе этого для объясненія „темнаго“ въ Свящ. Писаніи нужно обращаться „къ церковнымъ правиламъ, богослужебнымъ книгамъ и къ отцамъ Церкви. Подобные взгляды конечно должны были охладить стремленіе къ самостоятельному и научному изученію Свящ. Писанія. Не мало тому же содѣйствовало, наконецъ, знаменитое дѣло Павскаго. Формальное разслѣдованіе по поводу перевода Павскаго, розыски экземпляровъ, допросы, внушенія и отчасти преслѣдованія, въ какой строжайшей тайнѣ ни велось это дѣло, могли только усилить смущеніе умовъ и внушить невольный страхъ къ той области богословскаго вѣдѣнія, къ которой относились злополучные литографированные экземпляры. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ и былъ упадокъ литературной производительности по библейской наукѣ въ первую половину XIX вѣка.

Во второй половинѣ истекшаго столѣтія обстоятельства снова измѣнились ко благу нашей науки. Въ 1858 году въ журналѣ московской Академіи была напечатана записка м. Филарета „о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго LXX толковниковъ и славянскаго переводовъ свящ. Писанія.“ Въ ней съ признаніемъ догматическаго достоинства, т. е. несомнѣнной истинности, за греческимъ переводомъ LXX, указаны и доказаны словами Самого Спасителя, Апостоловъ и свидѣтельствами Отцевъ Церкви „справедливость, польза и необходимость“ усвоенія

такого же достоинства и еврейскому тексту; было высказано, что произведенное Св. Синодомъ, при изданіи Елизаветинской библии, сличеніе славянскаго перевода съ еврейскимъ текстомъ, нельзя признать вполне законченнымъ, напротивъ оно должно быть продолжаемо „для употребленія“ вновь открываемыхъ „древнихъ пособій, прежде бывшихъ въ нецѣлѣстности.“ Эта записка, принятая Св. Синодомъ безъ возраженій, открывала собою путь къ научному, критическому изслѣдованію свящ. текста.

Другимъ благопріятнымъ для поднятія нашей науки обстоятельствомъ было появленіе русскаго перевода библии, сдѣланнаго съ еврейскаго подлинника. Облегчивъ пониманіе Свящ. Писанія для огромнаго большинства нашихъ соотечественниковъ, русскій переводъ библии возбудилъ живой интересъ къ занятію библейскими предметами, расширилъ кругъ лицъ, посвятившихъ себя изученію Св. Писанія. Оказавшіяся между славянскимъ и русскимъ переводами многочисленныя разности возбуждали вопросъ о происхожденіи ихъ и о способахъ къ ихъ устраненію, что также приводило къ необходимости научнаго изслѣдованія свящ. текста. Въ 1869 году новымъ академическимъ уставомъ было усилено преподаваніе Св. Писанія чрезъ учрежденіе двухъ—вмѣсто одной—самостоятельныхъ кафедръ по этой наукѣ, чрезъ открытіе особой кафедры библейской исторіи и введеніе въ академическій курсъ преподаванія библейской археологіи. Увеличивъ количество ученыхъ лицъ, новый уставъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ возможность къ болѣе тщательной и спеціальной разработкѣ библейской науки.

Эти обстоятельства вызвали собою появленіе во второй половинѣ прошлаго столѣтія весьма значительнаго количества цѣнныхъ научныхъ работъ по всѣмъ областямъ библейскаго вѣдѣнія.

3. Проф. Н. А. Елеонскій въ еще неоконченныхъ статьяхъ: „Современная критика Священныхъ Писаній“ (Вѣра и Церковь, кн. 1, 5, 7), дѣлаетъ попытку указать несостоятельность заключеній новѣйшей западной критики относительно подлинности и достовѣрности Свящ. Писаній и прежде всего Пятикнижія.

Надъ всѣми отрицательными взглядами на происхожденіе Пятикнижія съ конца 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія одер-

жала верхъ теорія постепеннаго возникновенія Пятокнижія, раскрытая Графомъ, Кюененомъ, Кайзеромъ, Каучемъ, Штадъ, Велльхаузенемъ и др. Примѣняя къ исторіи еврейскаго народа принципъ эволюціи, въ силу котораго простыя и болѣе натуральныя формы должны предшествовать сложнымъ и болѣе искусственнымъ, это ученые признають постепенное развитіе всѣхъ учреждений и законоположеній Израиля, чуждое какихъ бы то ни было скачковъ и какого бы то ни было сверхъестественнаго вліянія. Въ періодъ судей израиль еще ничего не зналъ о законахъ Пятокнижія. Уже впослѣдствіи, когда Израиль завоевалъ себѣ прочное положеніе, когда оказалось необходимымъ облечь въ форму писанныхъ законовъ тѣ нравы и обычаи, которые были созданы осѣдлою жизнью Израиля, тогда появилась первая древнѣйшая часть Пятокнижія, такъ называемая „книга Завѣта“, содержащая теперь въ Исх. 20—23. Она появилась вѣроятно всего при царѣ Иосафатѣ, во всякомъ случаѣ до пр. Амоса, которому она была извѣстна. Но въ „книгѣ Завѣта“ было мало указаній на внѣшнія религіозныя формы. Отсюда, когда подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ языческими народами и вслѣдствіе войнъ истинное благочестіе стало угасать у Израиля, и когда явное нечестіе привело къ гибели десятиколѣвное царство, то явилась забота удержать въ чистотѣ религіозныя вѣрованія по крайней мѣрѣ для царства іудейскаго. Такъ явилась въ 18 годъ царя Іосіа „книга закона“, нынѣшнее Второзаконіе въ своемъ первоначальномъ видѣ, имѣвшее цѣлью точно разграничить служеніе Іеговѣ отъ служенія языческаго. Однако это разграниченіе было доведено до конца лишь во время и послѣ плѣна, когда народъ особенно понялъ необходимость очистить себя отъ всего языческаго. Окончательное соединеніе всѣхъ частей Пятокнижія въ одно цѣлое и послѣдняя редакція его послѣдовали около 400 г. до Р. Хр.

Но дѣйствительно ли такъ было дѣло? Названные выше ученые утверждаютъ что „книга закона“, т. е. Второзаконіе, была составлена пророками, желавшими улучшить религіозную жизнь Израиля, и обнародована чрезъ посредство священниковъ въ намѣренно приданной ей формѣ древняго законодательства, составленнаго самимъ Моисеемъ, съ цѣлью произвести большее впечатлѣніе на царя и народъ. Но въ

этомъ утвержденіи есть двѣ несообразности. Лучшіе люди Израйля, его краса и гордость, — пророки представляются здѣсь людьми недобросовѣстными, способными на дерзкій подлогъ. Царь Іосія смутился и разодралъ свои одежды въ великой скорби отъ нарушенія закона, никому до того неизвѣстнаго. Но кромѣ того библія даетъ и положительныя свидѣтельства того, что законъ Моисеевъ былъ извѣстенъ за долго до царя Іосія. Таковыя прежде всего находятся въ книгахъ пророковъ Амоса и Осія, признаваемыхъ отрицательной критикой за подлинныя. Оба пророка прямо говорятъ, что ихъ современники забыли и отвергли законъ Бога Своего (Ам. 2, 4; Ос. 4, 6). Что здѣсь рѣчь не объ устно передаваемомъ законѣ, видно изъ 8, 12: *написалъ я ему важные законы мои, но они сочтены имъ какъ бы чужіе*. Еслибы мы даже согласились съ толкованіемъ этого мѣста отрицательной критикой въ смыслъ: „еслибы я написалъ“ и д., то и въ такомъ случаѣ ясно, что во время пророковъ существовало искусство письменности, и что прежде всего конечно постарались предать письмени законы, усвояемые Моисею. Содержание книгъ Амоса и Осія, обличавшихъ современниковъ за совершеніе богослуженія въ мѣстахъ не надлежащихъ, напр. въ Веѣилѣ, Данѣ, Галгалѣ, Варсавін, требовавшихъ отъ Лица Божія милости, а не жертвы (Ос. 6, 6) указываетъ на знакомство этихъ пророковъ съ книгой Второзаконія (12, 11—14) и Левитъ (5, 5—6). Пр. Амосъ обличаетъ израильтянъ въ томъ, что они продаютъ праваго за серебро и бѣднаго за пару сандалій, что они возлежатъ на одеждахъ, взятыхъ въ залогъ (2, 6. 8) т. е. за то, что запрещается въ Исх. 22, 26 и Втор. 27, 19. Онъ упоминаетъ о новомѣсячии и субботахъ, какъ объ установленіяхъ, съ которыми соединено ограниченіе въ торговлѣ, объ употребленіи фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ (8, 5—6), имѣя въ виду очевидно Исх. 20, 10; 28, 11—14; Числ. 10, 10; Лев. 16, 36; Втор. 25, 14. Угроза, изложенная въ 5, 11 и 6, 14 служитъ почти буквальнымъ воспроизведеніемъ словъ Втор. 28, 30 и 28, 40. 52. Подобные слѣды знакомства съ Пятокнижіемъ мы находимъ и у пр. Осія. Въ 9, 10 онъ указываетъ на событіе, изложенное въ Числ. 25, 1—9. Въ 11, 8 пророкъ говоритъ о бѣдствіи древнихъ городовъ, извѣстномъ изъ Втор. 29, 23. Глава 12 (ст. 9 и 12) свидѣтельствуесть о знакомствѣ пр. Осія не

только съ повѣствованіемъ кн. Бытія о патріархѣ Іаковѣ, не только съ закономъ вообще, но и съ религіозными обычаями праздника кущей, который по утверженію современной критики, былъ придуманъ послѣпльннми составителями „священнаго кодекса“. Все это съ убѣдительностью говоритъ за то, что еще въ 8 вѣкѣ до Р. Хр. существовалъ не только законъ вообще, но и все Пятокнижіе Моисеево въ его настоящемъ объемѣ, включая въ себѣ историческія повѣствованія кн. Бытія и обрядовые законы кн. Исходъ, Левитъ, Числь и Второзаконія. Но этого мало. Мы находимъ довольно ясные признаки существованія Пятокнижія еще въ 11 и 12 вѣкахъ, т. е. во времена судей. Эти признаки находятся въ книгѣ судей, именно въ частяхъ ея, признаваемыхъ отрицательной критикой за древнѣйшія. Такъ начало пѣсни пророчицы Девворы (Суд. 5, 1—2) сложилась очевидно подъ вліяніемъ вдохновенной пѣсни, воспѣтой Моисеемъ и Маріамъ по переходѣ чрезъ Чермное море (Исх. 15, 1. 5). Слова: *когда Ты выходилъ, Господи, отъ Сеира* и д. (суд. 5, 4 — 5) какъ по мысли, такъ и по слововыраженію близки къ Втор. 33, 2 и Исх. 19, 18. Гедеонъ въ словахъ сказанныхъ ангелу (суд. 6, 13) почти дословно повторяетъ Втор. 31, 16—17. Постановленія о мирной жертвѣ и мирномъ хлѣбномъ приношеніи, о которыхъ позаботился онъ; изложены въ кн. Левитъ (гл. 2 и 3). Ангель, явившійся родителямъ Самсона, повелѣваетъ соблюсти надъ нимъ обѣты назорейства, изложенные въ Числ. 6, 1—21. Итакъ еще во времена судей существовали не только Второзаконіе, но и прочія книги Моисеевы.

Впрочемъ представленныя доказательства въ пользу древнѣйшаго существованія Пятокнижія отрицательной критикой не считаются убѣдительными. Что препятствуетъ, говорятъ, допустить, что позорнѣйшіе составители такъ называемыхъ Моисеевыхъ книгъ пользовались предшествовавшей имъ пророческою литературой? Однако единодушно признаваемый представителями отрицательной критики воплѣ литературный, отмѣченный художественными достоинствами языкъ писаній пророковъ и пѣсни Девворы конечно не могъ явиться разомъ; необходимо предположить, что ему предшествовали литературные образцы подъ вліяніемъ которыхъ онъ сложился. Въ частности, говорятъ рacionales, нахо-

димья въ кн. судей и у пророковъ упоминанія о жертвахъ не доказываютъ существованія въ ихъ времена Пятокнижія, такъ какъ народъ израильскій приносилъ жертвы по примѣру другихъ народовъ, а не въ силу обрядовыхъ постановленій Пятокнижія. Однако множество деталей въ описаніи жертвъ у пророковъ, опредѣленная терминологія для обозначенія жертвъ, указаніе на различные виды жертвъ и способы ихъ принесенія обнаруживаютъ знакомство съ опредѣленнымъ кодексомъ, давно установившимся и примѣняемымъ на практикѣ. По мнѣнію современныхъ критиковъ, многія мѣста въ кн. Судей ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что во времена судей Пятокнижія вовсе не существовало. Такъ нигдѣ въ книгѣ не говорится, что богослуженіе должно совершаться лишь въ одномъ мѣстѣ, при скинии въ Силомѣ. Геденъ совершаетъ жертвоприношеніе въ городѣ Офрѣ, Маной въ Царѣ, причемъ жертвенниками служили для нихъ простые камни. Въ періодъ судей израильтяне приготавливали литыя изображенія, кумиры Іеговы и религіозно чествовали ихъ, не видя въ томъ ничего предосудительнаго. Подобное изображеніе приготавилъ именно Геденъ (суд. 8, 22 — 27). Въ самомъ Силомѣ законъ былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ въ массѣ народной. Порядокъ силомскаго богослуженія не сообразовался съ обрядовыми постановленіями закона. Такъ, кивотъ Завѣта стоялъ не въ скинии, а во храмѣ, имѣвшемъ створчатыя двери, на день открываемыя (1 Цар. 1, 9; 3, 15). Вечеромъ во храмѣ возжигался свѣтильникъ (1 Цар. 3, 3), но онъ горѣлъ не цѣлую ночь, а могъ быть погашенъ, когда служители отходили ко сну, что не согласовалось съ предписаніями закона (Исх. 27, 20. 21; Лев. 24, 2. 3). Доступъ ко храму не сообразовался съ постановленіями о левитской святости. Самуилъ, какъ служитель при святилищѣ, на обязанности котораго было соблюденіе за дверями храма (1 Цар. 3, 5), спалъ „въ храмѣ Господнемъ, гдѣ ковчегъ Божій“, тогда какъ по закону туда, гдѣ находился ковчегъ лишь однажды въ годъ могъ входить первосвященникъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Самуилъ не принадлежалъ къ священническому роду. Не смотря однако на это, онъ еще отрокомъ служилъ Господу и носилъ Ефодъ и меиль, исключительную принадлежность первосвященника. Но всеъ указанныя отступленія отъ закона были мни-

мыя или неизбежныя. Времена судей были временемъ паденій и тяжелаго угнетенія со стороны враговъ, недопускавшимъ правильнаго теченія религіозной жизни и точнаго исполненія всего закона, и между прочимъ постановленія о принесеніи жертвъ въ Силомъ. Гедеонъ и Маной принесли притомъ жертвы на мѣстѣ, которое избралъ Господь и потому выполнили постановленіе Второзаконія—приносить жертвы на мѣстѣ, которое изберетъ Самъ Господь (12, 11). Мысль о литыхъ изображеніяхъ Іеговы, употребляемыхъ будто во времена судей, совершенно произвольна. Въ Суд. 8, 22—27 рѣчь идетъ о приготовленіи ефода, т. е. первосвященнической одежды. Подъ храмомъ Божиимъ въ исторіи Самуила разумѣется очевидно скинія; створчатыя двери находились собственно въ воротахъ двора, замѣняя собой въ цѣляхъ безопасности завѣсу. Выраженіемъ „свѣтильникъ еще не погасъ“, писатель опредѣляетъ время, когда раздался голосъ, призывавшій Самуила: это было не утромъ, когда свѣтильникъ уже не горѣлъ, но ночью. Выраженіе: „Самуиль лежалъ во храмѣ, гдѣ ковчегъ Завета“, вовсе не значить, что онъ спалъ у ковчега. Храмомъ называлась вся скинія, включая и дворъ, гдѣ могъ спать Самуиль. Ефодъ и мепль, носимые Самуиломъ, были не первосвященническими одеждами, приготовляемыми изъ драгоценной матеріи, а обыкновенной „льняной“ одеждой (Суд. 2, 18). Ни откуда не видно, что Самуиль не былъ Левитомъ. Напротивъ въ 1 Цар. 6, 1. 20. 27. 28. Елкана и Самуиль названы потомками Левія. Выраженіе: отецъ его былъ „съ горы Ефремовой“ (1 Цар. 1, 1), не указываетъ на его принадлежность къ колѣну Ефремову, такъ какъ Левиты, не имѣя своего удѣла, жили по всей странѣ израильской (ср. Суд. 17, 7. 9).

В. Мышцынъ.
